

ОЛЬГА ФОМИНА

МОЙ ПУШКИН

СБОРНИК СТИХОВ

Ольга Фомина

Мой Пушкин. Сборник стихов

«Автор»

2010

Фомина О.

Мой Пушкин. Сборник стихов / О. Фомина — «Автор», 2010

ISBN 978-5-457-19256-0

Написанная через два века с момента гибели поэта книга стихов Ольги Фоминой насквозь проникнута болью от невозполнимой потери гениального поэта как от потери родного человека. Главную идею книги можно выразить одной строкой автора из стихотворения «А.С. Пушкину»: «Рука твоя моею водит...» Книга иллюстрирована рисунками автора.

ISBN 978-5-457-19256-0

© Фомина О., 2010

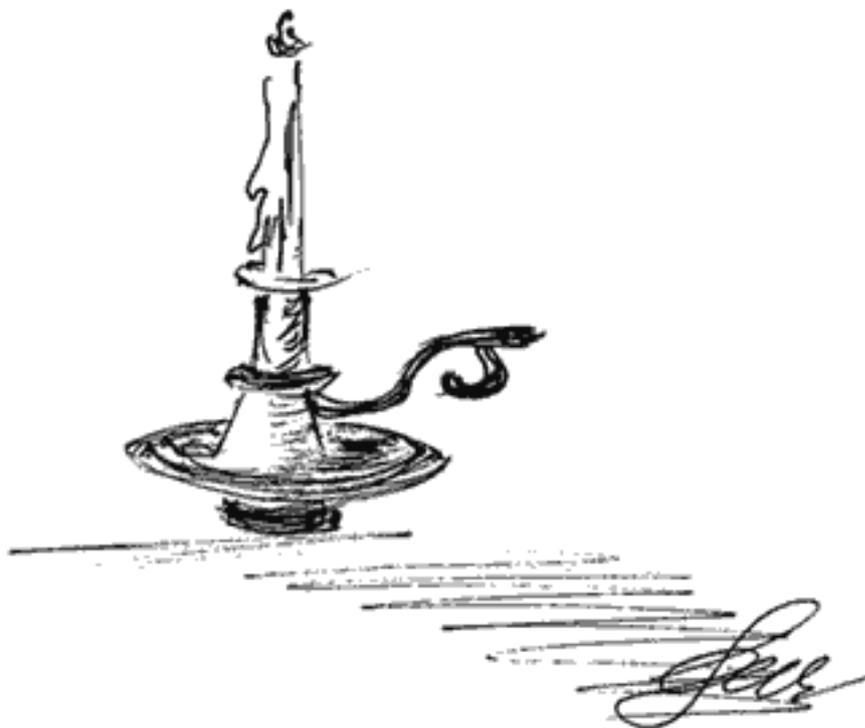
© Автор, 2010

Содержание

Предисловие	8
А.С. Пушкину	10
О стихах Пушкина	12
Лира	13
Дядька	15
«Памяти Пушкина». Поэма	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Фомина Мой Пушкин. Сборник стихов

*Посвящается моему мужу, Юрию Фомину, без которого была бы
невозможна эта книга*

Рисунки Ольги Фоминой

*Ольга Фомина
Автопортрет*

...Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение – признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, – или чувство, в смирении своём ещё более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь...

А.С. Пушкин.
Из статьи «Фракийские элегии.
Стихотворения Виктора Теплякова», 1836

Предисловие

Почти два века нет поэта,
Но как под дулом пистолета
Его потомок вновь стоит,
Так, как стоял тогда пиит.

Моей рукою боль вела,
Не написать я не могла,
И что теперь греха таить —
Хочу боль с вами разделить.

А разделить иль отказаться,
Не получившим труд сказать,
То воля ваша, выбор есть,
Да не по мне такая честь.

Но всё ж сомнения отбросьте,
Прочтите, да и в печку бросьте,
За час потраченный браня
И труд, и автора – меня.

А.С. Пушкину

Прости, что женского я рода
И что с тобою я на «ты»,
Чужды тебе моя природа
И незнакомые черты.

С небес холодных ты взираешь,
И телом, спящим под крестом,
Ты ничему уж не внимаешь
Под указующим перстом.

Но дух по-прежнему витает,
Что будоражил кровь твою,
И вдохновеньем долетает,
Прозя унять тоску свою.

Твоя душа с моею слита,
И в предрассветный, ранний час,
Когда дремотой всё покрыто,
Ты начинаешь свой рассказ.

Твой голос тих, ему я внемлю,
Скорей не голос это – дух,
Спустившийся с небес на землю,
Пока не прокричал петух.

И я в своём оцепененье,
Пытаясь слов не пропустить,
Строчу в полночном упоенье,
Чтоб ничего не упустить.

Рука твоя моею водит,
Два века долгие спустя,
Она меня в твой мир уводит,
Чтоб описать, как, колеся,

По жизни брэнной ты метался,
Терзался дух твой, с ним же плоть,
И как один потом остался,
Не в силах свет перебороть.

И оттого это, быть может,
Что не успел ты досказать,
И твою душу так же гложет
Словес невысказанных рать.

Твоим сомнениям я внемлю,
Прошу у Бога только сил,
Всё за грехи свои приемля,
Чтоб передать, что ты просил.

Как и мечтал, ты стал великим.
Среди потомков некто есть,
Кто отстоит в пространстве диком
Твою поруганную честь!

17.10.2009

О стихах Пушкина

*Александр Сергеевич, Александр Сергеевич, я – единица, а
посмотрю на Вас и покажусь себе миллионом. Вот Вы кто!*
М.П. Погодин. Из воспоминаний о Пушкине

Нам не жить уже беспечно:
Цепью, что «на дубе том»,
Мы прикованы навечно,
Как молитвой и постом.

Струны тонкие играют
Им разбуженной души,
Его чувствами страдает
Сердце русское в тиши.

Постигая наслажденья,
Радость, боль, любовь, тоску,
Привыкаем к ним с рожденья,
Как к грудному молоку.

С ним в душе везде мы дома,
Пушкин в нас, как в сердце – кровь,
И страницы его тома
Мы листать готовы вновь.

1.11.2009

Лира

Был век французский на Руси,
О том историю спроси.
К нам гувернёров господа
Везли из Франции тогда.

Дабы привить нам вкус французский,
Везли бордо, пирог страсбургский,
И вот уже картавил в нос,
Кто с языком французским рос.

Так с детства был воспитан Пушкин,
Но не играл, как все, в игрушки:
Он мсье Русло частенько бил —
Француза мальчик не любил.

Он рос дичком, будто случайно
Родившись в собственной семье.
Вот он и бил их всех «отчайно»,
Будь то мадам, будь то месье.

Спасла его однажды Муза,
У изголовия присев:
«Тебе не буду я в обузу,
Со мной ты станешь лучше всех,

Тех, кто сочтя себя Омиром,
Взяв лиру в руки, станет петь,
Но лишь тебе, её кумиру,
Удастся ею овладеть.

С тобой всегда незримо буду,
Ступай в чудесную страну.
Я ж обещанья не забуду
И подтяну всегда струну».

И ощутил он вдруг: беззвучно,
Мелодией «до-ре-ми-фа»
В нём зазвучала благозвучно
В груди рождённая строфа.

И он вкусил той сладкой муки
И воплощенья мысли в слог,
Что лишь пером даётся в руки,
Когда есть вдохновенья взлёт.

И он взлетел над бранным миром,
Нам без него на свете жить,
Но глас его заветной лиры
Века не смогут заглушить!

25.03.2010

Дядька (Никита Тимофеевич Козлов)

- Что ж, едем, Тимофеич?
– Едем, батюшка!
– А куда едем, знаешь, старче?
– Да по России, куда ж ещё! –
отвечал Никита.

С.С. Гейченко. «У Лукоморья»

Ну что, читатель, не устал?
А коль устал, присядь-ка,

Да я ведь тоже недоспал,
Послушай-ка про дядьку.
Это какого? – Да того,
Козлова, про Никиту,
Ты что, не слышал про него?
Прикрой-ка дверь, открыта.
Так вот, это тот самый дядька, тот,
Что Пушкину, поэту,
Служил слугой за годом год,
Зимой, в мороз, и летом.

Простой парнишка крепостной,
При барском доме вырос,
Порой голодный и босой,
Ходил он петъ на клирос.
Был балагур и весельчак,
Слыл малым-самоучкой,
На балалайке он брэнчал,
Порой гитару мучил.
Пилил, строгал, таскал мешки —
Толковый был работник,
Про соловья слагал стишки,
Того, кто был разбойник.

Когда же Пушкину трёх лет
И не было от роду,
Уже Никиту знал поэт,
И с ним – в огонь и в воду.
Тот по Москве любил гулять,
И с чуть подросшим Сашкой
На колокольню залезать,
Где бьёт Великий страшно.
Он при поэте был везде —
В Москве и при лицее,
И в скачки бешеной езде —
Унынья панацее.

«Куды же Сашку-то несёт?
Спаси его, владыко!
Ведь не иначе пропадёт
Без дядьки-то, Никиты!
Эх, мать-Россия, велики
Ухабы на дороге», —
И снова чистил сапоги
До блеска на пороге.
Был в Кишинёве с ним, в Крыму,
Тифлисе и Одессе, —
Там быт налаживал ему,
Ел-пил с поэтом вместе.

Делил успех, делил долги,
Ходил порою хмурый,
Когда скрывал его стихи
От подлости цензуры:
«Стихи ругают, барин? Пусть,
На то она охрана,
Народ уж знает наизусть
«Людмилу и Руслана»!
Пошёл наемни на базар,
Потом, зайдя в харчевню,
Слышал сквозь ругань да угар:
Читают уж «Деревню»!

Поэт любил его: открыто
Он вызвал Корфа на дуэль
За то, что тот побил Никиту
И обозвал его: плебей!
Барон же, не приняв условий,
Писал, что, де, какой пустяк!
Поэт ответил: что сословье?
Ведь человек же, прежде, всяк!
За то, что Пушкин вызвал Корфа,
Себя Никита оправдал:
Самим ищейкам Бенкендорфа
Стихов поэта не продал!

Был ему нянькою, лечил,
Он был его возницей,
Стирал, будил, кормил, поил,
Просил остепениться.
Поэту был помощник он
В делах его журнальных,
Был ему верный почтальон
Стихов его опальных.
Был предан он, как верный пёс,

Он жил его стихами,
И на руках поэта нёс,
Когда поэт был ранен.
Он был за мать и за отца.
Когда стоял у гроба,
Себя винил лишь без конца:
Ну почему не оба?
И встал Никита на возок,
Главой прижавшись к гробу,
Молясь, будто на образок,
Всю длинную дорогу,
Не чуя ног, не чуя рук,

Трескучего мороза...
Умолкла лира сразу, вдруг,
Осталась жизни проза.

Потом не помнил он и сам,
Как душу там не отдал,
Когда, давая течь слезам,
Он гроб поэта обнял:
«Прости меня, не уберёг
Тебя, растяпа старый!
Не смог ведь, не предостерёг
От злой судьбы удара...
Ведь говорил тебе: не верь
Вертлявым иноземцам!
Ну как же жить-то нам теперь,
Как, без души и сердца?!»

Его могилу окружал
Вниманьем лишь Никита,
Ведь годы долгие лежал
Поэт, семьёй забытый.
Едва Никита лишь узнал,
Что та приедет вскоре,
Он первым был, кто показал
Могилу в Святогорье.
По смерти Пушкина просил,
Чтоб взяли хоть рассыльным,
Ведь он стихи его носил,
Когда поэт был ссыльным.

Он постарел, но, став седым,
Свои преклонны лета
Делил по-прежнему лишь с ним:
Возил стихи поэта.
Сам перевёз тираж
Собранья сочинений
И книги Пушкина, как страж,
Во псковское именье.
Так довелось ему служить
Семнадцать зим и лето.
Он попросил похоронить
Себя у ног поэта.

24–26.02.2010

«Памяти Пушкина». Поэма

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гений слова! Кто ж не ахнет,
Зачитавшись до утра?!
Дал понять, как «Русью пахнет»,
Пушкин росчерком пера.

Он писал высоким слогом,
Мужика он мог понять
И одним лишь только словом
Душу русскую объять.

Оттого-то он и гений,
Что народным языком
Не гнушался в дни гонений, —
Тем, родным, что всем знаком.

Он, потомок эфиопа,
Урождённый Ганнибал,
Доказал, что не Европа
Для поэта идеал.

Наша матушка-Россия
Так, брат, чудно хороша,
Что, наверно б, сам мессия
Любовался, чуть дыша.

Так ликуй, душа, с поэтом,
Пушкин – наш, ура, виват!
Не принять нелепость эту:
Он убит. Кто виноват?

Сказок мы читать не будем
И отложим чудеса,
Лишь на миг давай разбудим
Той эпохи голоса.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Так гадалка нагадала
В ночьку тёмную одну:

«Снег, залитый кровью алой...
А умрёшь через жену.

Одного остерегайся:
Белокур он и высок,
На него не полагайся —
Может выстрелить в висок».

Пушкин сам искал с ним встречи,
Чтобы этот человек
Своей пулей иль картечью
Завершил поэта век.

Оттого он и метался:
Карты, девки и вино.
От судьбы не укрывался —
Знал, погибнет всё равно.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Родился... И в завитушках,
Что украсили чело,
Александр Сергеич Пушкин
Едет в Царское Село.

Там, в лицее, юный гений,
Обуздав наук гранит,
Как потом его Евгений,
Воспевал красу ланит.

Полный юного восторга
Перед женской красотой,
Он в пылу любовных оргий
Преклонялся перед той.

Позже вспомнит, как сонеты
Ей в восторге посвящал,
Как, гонимый страстью этой,
Керн под Пасху навещал.

В жилах кровь его вскипела,
Позабыт старик Дидро,
И в руке его запело
Богом данное перо.

Упоительные годы:
Спор за чаркой до утра.

К девкам тайные походы...
Что за чудная пора!

Часть друзей из юных бестий
В декабристы занесло.
И теперь не вспомнит Пестель
С другом Царское Село.

Муз лицейских дух отныне
Сохраним, дружище Корф!
Уз меж нами не разнимет
Всемогущий Бенкендорф!

Вольнодумства дух опасный
Взбудоражит их умы —
От идеи той прекрасной
Путь недолог до тюрьмы.

Часть когорты этой братской
Царь однажды упразднит:
Он на площади Сенатской
Пятерых из них казнит.

Только Пушкина Державин,
«В гроб сходя, благословил»,
И перо его направил
За сиянием светил.

ВОЙНА 1812 ГОДА

В год 12-й и страшный,
По стеченью звёздных карт,
Вторгся к нам бравурным маршем
В треуголке Бонапарт.

Когда кровь лилась рекою,
Воевал и стар и мал,
Пушкин страстною строкою
Дух Отчизне подымал.

Поздно поняли французы,
Что Москвы им не видать:
Разгромил войска Кутузов,
Сохранил Россию-мать!

Всё, виват, ура без меры!
Труб победных сладкий глас!

Пушкин позже Беранжеру
То припомнит, и не раз!

А когда умолкли пушки,
То, оправившись от ран,
Поняла Отчизна: Пушкин —
Поэтический титан!

После тягостной утраты
Пятерых лицейских лир
Пушкин первым по этапу
Шлёт послание в Сибирь.

Чудо это происходит:
В пересыльческий острог
Через сотни рук доходит
Дух его высоких строк.

Захлестнул тогда Россию
Поэтический поток.
Сделал власть пред ним бессильной
Пушкин – гений и пророк.

Что Отечеству пророки?
Нам ли этого не знать?
За пророческие строки
Можем гения распять!

Нет бы, дать глоток свободы,
Чтобы вольно мог творить.
И отправить бы на воды...
Дар его боготворить?!

Допустить возможно ль это?
Вскрыв поэта личный ларь,
Строгим цензором поэта
Стал российский государь.

Как писать по вдохновенью,
Когда грудь теснит восторг,
А по царскому веленью
За него назначен торг?

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ

На Кавказ, к его стремнинам,
Где поток несётся вниз!

Но и здесь, как на равнине,
Дух его взлетает ввысь!

Пушкин здесь. Накинув бурку,
С острой саблей наголо,
Оседлав коня, на турков
Мчит в дыму, где всё бело.

Вот леченье от столицы,
Гнусных сплетен и интриг,
Когда враг навстречу мчится,
Приближая смертный миг!

...Но рождён был для другого
Дар его и его ум,
Он храним был, видно, Богом
В путешествии в Арзрум.

НАТАЛИ

Покорён и очарован,
При мерцании свечей
Он с мадонны – Гончаровой —
Не сводил своих очей.

Натали послало небо.
«Гений чистой красоты»
Всюду с ним, где б Пушкин не был,
Пополам дела версты.

Лишь жене поэт признался,
Что неверен был порой,
Что нередко увлекался
Чувств неверною игрой.

Но поэту всё простилось:
Где, когда и с кем он спал...
Натали перекрестилась
И поехала на бал.

Здесь «успехи в вихре света»
Близорукой Натали
Страстной ревности поэта
Пыл умерить не могли.

ССЫЛКА В МИХАЙЛОВСКОЕ

И в Михайловском, в деревне,
Под Арины говорком,
Он под сказку о царевне
Засыпает вечерком.

Когда в небе редка просинь,
Нудный дождь в окно стучит,
Лишь чернил поэт попросит
И строчит, строчит, строчит.

Здесь есть всё, что сердцу мило,
И слагаются тотчас
Сказки, где Руслан с Людмилой
Разлучаются сейчас.

Бродит кот у Лукоморья,
Цепь гремит на дубе том...
Спит поэт в тиши подворья,
В сказке он, а жизнь – потом.

Месяц, два меж тем проходят,
Холод гонит со двора,
Ссылки срок к концу подходит,
В Петербург ему пора.

ПЕТЕРБУРГ

Воздух северной столицы,
Раут, бал и маскарад...
Был бы рад там очутиться
Гость любой, но он – не рад.

Честь его была задета,
Царь – великий командир —
Бросил гордому поэту
Камер-юнкера мундир.

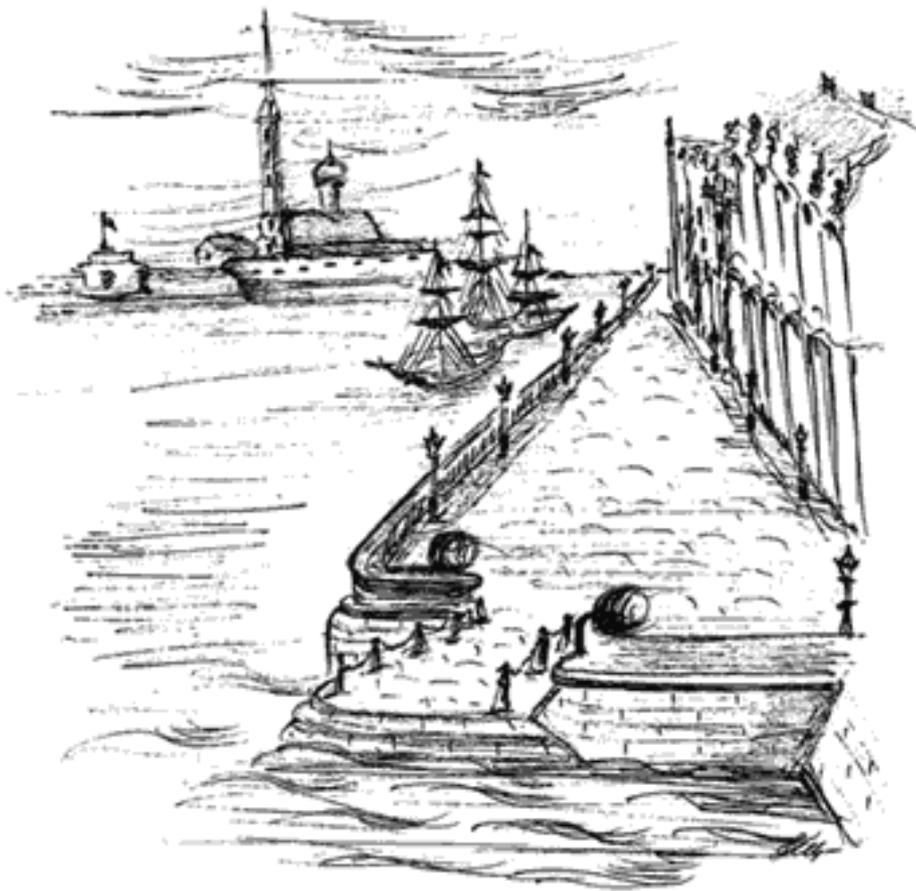
Суждено теперь иное —
При дворе ему бывать
И с красавицей женою
Сплетням поводы давать.

Царь, однако, сам, каналья,

Был Натальей покорён,
На ушко шептал на бале:
«Туалет ваш недурён!

Так же плечи, грудь и ножки...
Продолжать et cetera?
Как блещут у вас серёжки —
Подарил поэт вчера?»

Кровь поэта закипела,
Как же так, сам государь?..
Натали, казалось, млела,
Ревновал поэт-бунтарь.

«Это он! Высок и строен...
Да к тому ж ещё блондин,
И жену увлечь настроен,
Всё сошлось. Один в один!

Наконец-то всё открылось!
Я же подданный его...
Но, похоже, не укрылась
Моя ревность от него.

А они? Всё видят, знают
И смеются надо мной!
Как они меня терзают,
Невдомёк лишь ей одной!»

Свет, холодный и надменный,
Глаз с поэта не сводил,
На Наталью ж непременно
Он лорнетов наводил.

Но поклонников Натальи
Длинен список послужной.
И Дантес туда ж, каналья,
Так и вьётся за женой!

ГЕККЕРН

Тут же Геккерн, старый сводник,
С позволения сказать.
Сей посланник, греховодник,
Начал сына ревновать.

Не отцовскою любовью
Старичок любил его,
Призывая к изголовью...
(Догадались для чего?)

Из Голландии сей странник
Эту страсть с собой привёз.
Не лишён был сей посланник
Голубых полночных грёз.

Слыл он грязным письмоношцем:
Написав их штук семь,
Он поэта рогоношцем
Обозвал в посланье сем.

«Наконец нашёлся повод!
Я его не упущу!
Разве честь – это не довод?
За неё я отомщу!

Не стреляться ж с государем,
У поэта нету прав,
Но Дантесу буду в праве
Показать свой гордый нрав!»

ВЫЗОВ НА ДУЭЛЬ

Чтоб жену не оболгали —
А француз поставил цель, —
Не терпеть же это дале:
Выход есть один – дуэль.

Зажужжал весь светский улей,
Получив такую весть,
И осталось только пулей
Возвратить поэту честь!

ДУЭЛЬ

Но отвёл его от мести
Сам Господь своей рукой:
«Пал поэт – невольник чести,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.